

Российский государственный педагогический университет
имени А. И. Герцена

Женевский университет

Петербургский институт иудаики

Восьмая

международная летняя школа по русской литературе

Статьи и материалы

Каукоемриälä (Цвелодубово)
Свое издательство
2012

Елена ГЛУХОВСКАЯ
(Санкт-Петербург)

Эллис о «Записках вдовца» П. Верлена *Предисловие, публикация и комментарии*

В начале 1911 г. вышла в свет первая поэтическая книга теоретика и критика русского символизма Эллиса — «Stigmata»¹. Литературная общественность откликнулась на нее немногочисленным и преимущественно негативными рецензиями². В некоторых из них был отмечен ярко выраженный «верленовский» след в творчестве Эллиса. «<...> стихи г. Эллиса, при всем его желании быть во что бы то ни стало последователем Верлена в новой поэзии, производят впечатление нарочитости и измышленности»³, — писал В. Брюсов. Ему вторил и критик «Вестника Европы» С. Адрианов: «<...> экзотик Эллис, оторванный всецело от русской действительности и уходящий в испанский монастырь, не оставит ни малейшей царапины и на русской жизни, не говоря уже о мировой культуре, о которой он видимо мечтает, шествуя, как ему кажется, по стопам Данта и Верлена»⁴.

Очевидно, что культ Верлена, воплотившийся в поэзии Эллиса, должен был не менее ярко проявиться и в его теоретических работах. Однако и в критических статьях Эллиса, и в книге «Русские символисты»⁵ Верлену уделено лишь несколько строк. Возможно, такое «умолчание» отчасти связано с задуманной Эллисом масштабной работой по истории символической школы (французские символисты), в которой он собирался посвятить отдельные главы Ш. Бодлеру, П. Верлену, С. Малларме, Ж. Роденбаху и Э. Верхарну и подробно рассмотреть их роль в становлении нового искусства. Повествование об этих поэтах должно было строиться примерно по одному плану, глава о Верлене включала бы в себя пункты:

¹ Эллис. Stigmata. Книга стихов. М., Кн-во «Мусагет», 1911.

² Наиболее подробно анализ книги представлен в статье: Городецкий С. Эллис. Stigmata. Книга стихов. Москва. Мусагет. МСМХІ.Ц. 2 р. // Речь. 1911. 4 апр. №92. С.3.

³ Брюсов В. Эллис. «Stigmata». К-во «Мусагет». М., 1911 г. Стр. 172. Ц. 2 р. // Русская мысль, 1911. №7–8. С. 23.

⁴ Адрианов С. Критические наброски // Вестник Европы. 1911. №7. С. 343.

⁵ Эллис. Русский символисты. М., Кн-во «Мусагет», 1910.

«1) Личность и жизнь. Верлэн и Бодлэр.

2) Творчество.

- Лирика (символическая, романтическая)
- художественная проза
- Верлен, как мистик
- о католицизме П. Верлена
- об имморализме Верлена.

3) Значение Верлена для развития символической школы.»⁶

К сожалению, замысел этой работы так и не был реализован. Тем больший интерес представляет рукописный альбом из коллекции М. И. Чуванова⁷, хранящийся в НИОР РГБ⁸. На титульном листе его значится: «Вдовец» [о «Записках вдовца» П. Верлена], фельетон Эллиса». Альбом состоит из 12 сшитых листов формата А4, на семи из которых — записи рукой Эллиса, без указания даты.

Текст Эллиса представляет собой законченную рецензию или заметку о книге П. Верлена «Записки вдовца»⁹, которая вышла весной 1911 г. в издательстве «Альциона» в переводе С. Рубановича¹⁰ и с предисловием В. Брюсова. Это был первый перевод на русский язык прозаических миниатюр, написанных Верленом в 1883–1884 гг. для газеты «Le Reveil» и опубликованных в 1886 г. под общим заглавием «Записки вдовца». В. Брюсов так определил особенности этой книги: ««Записки вдовца» — это частью картинки парижской сельской жизни, частью маленькие повествования, сжатые и острые, в манере «стихотворений в прозе», частью воспоминания или критические заметки, не всегда беспристрастные. На всем очень определенно чувствуется влияние «Стихотворений в прозе» Бодлэра, которого Верлен всегда высоко читил. Язык «Записок вдовца» — характерный язык Верленовской прозы. Он не любил слишком правильно построенных фраз, не любил точек, поставленных на *i*; он предпочитал писать капризными обо-

⁶ РГАЛИ.Ф. 575. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 2.

⁷ Чуванов Михаил Иванович (1890–1988) — библиофил, крупный знаток и собиратель рукописей, коллекционер книг с автографами русских писателей. В Российской государственной библиотеке хранится ок. 1000 экз. брошюр, журналов, альбомов и т.д. из его коллекции.

⁸ НИОР РГБ.Ф. 784 (Коллекция М.И. Чуванова). Карт. 23. Ед. хр. 23.

⁹ Верлен П. Записки вдовца. Предисловие В. Брюсова. Перевод С. Рубановича. М., Кн-во «Альциона», 1911.

¹⁰ Рубанович Семен Яковлевич (1888–1930) — поэт, переводчик, близкий друг Эллиса.

ротами речи, с неожиданной и необычной расстановкой слов, употребляя по временам жаргонные словечки, и почти всегда довольствуясь намеком, вместо точного рассказа. Этот язык и составляет разительное отличие “Записок” Верлена от “Стихотворений в прозе” Бодлера, написанных чеканным, выработанным стилем. Но в “Записках вдовца” этот язык Верлена еще не переходит границ художественности, не приводит его к намеренному кривлянию, к ужимкам дурного тона, что, к сожалению, чувствуется в позднейших произведениях Верлена»¹¹. В целом же предисловие В. Брюсова посвящено рассказу об основных этапах жизненного пути Верлена, которые оцениваются с позиции современной поэту жизни и литературной ситуации во Франции того времени.

Иной ракурс рассмотрения «Записок вдовца» представлен в рецензии Н. Петровской. Писательница в первую очередь останавливается на особенностях перевода: «Эти маленькие рассказы, картинки, заметки, набросанные точно в шутку капризным пером поэта-ребенка, эти мимолетные образы, образы действительности, что отражались иногда самыми карикатурными своими чертами в печальной и смеющейся душе вечного бродяги Парижа — они никогда не могут быть переданы чуждым языком во всей их неподражаемой грации, со всеми изысканными оттенками исключительных внутренних переживаний.

Но эта невозможность, приводящая в отчаянность даже самых талантливых переводчиков, настолько неодолима, что, конечно, передача такого оригинала может быть лишь самой приблизительной.

Семен Рубанович переводил Верлена заботливо, тщательно, с любовью, и не его вина, что Верлен не создан для перевода вообще. “Записки вдовца” в его переводе читать приятно, но — увы! — этот труд все-таки остается попыткой к невозможному»¹².

Эллис в своей работе не затрагивает ни обстоятельств жизни Верлена (упоминаемые им ключивые события лишены бытовых подробностей), ни задается проблемами перевода французского оригинала на русский язык (говорится лишь о «хорошем русском переводе молодого поэта С. Рубановича»¹³). И хотя отдельные переклич-

¹¹ Брюсов В. Как предисловие // Верлен П. Записки вдовца. М., «Альциона», 1911. С. XI–XII.

¹² Петровская Н. П. Верлен. Записки вдовца. Перевод Семена Рубановича. Предисловие В. Брюсова. К-во «Альциона», Москва, 1912. Ц. 1 р. // Московская газета. №100. 4 сент. 1911. С. 7.

¹³ НИОР РГБ. Ф. 784... Л. 2.

ки с Брюсовым присутствуют¹⁴, общий пафос Эллиса лежит в другой области. Для него Верлен прежде всего не человек, а поэт, «*поэт на самом деле*», который «жил как поэт, и каждый шаг его жизни, каждый полет и каждое падение были поступками поэта, были одной великой поэмой!»¹⁵. Эллис, также как и Брюсов, сравнивает Верлена с Бодлером, но сопоставляет их как две великие, но противоположные личности: «Если личность и творчество Бодлера неизмеримо ценнее само по себе личности Верлена, увы, часто слишком слабый, то ненасытная жажда к мистификации и совершенная скрытность величайшего среди символистов затрудняет возможность полного проникновения во все тайны (великие и малые) биографии автора “Цветов зла”. Напротив, можно ли себе вообразить какого-либо более непосредственного, более искреннего, более детски-наивного, чем П. Верлен?..»¹⁶. И даже когда речь заходит о произведениях двух французских писателей, сопоставляются не особенности авторского стиля, а способ выражения внутреннего мира. Главные достоинства «Записок вдовца» Эллис видит в их поразительной откровенности и глубоком лиризме, при которых все, о чем бы ни говорил автор, по сути является рассказом о нем самом.

Фактически в тексте Эллиса создается своеобразная модель его представлений о настоящем поэте, примеренная им к Верлену еще в «Русских символистах»: «<...> путь, пройденный Верленом, идущий от парнасизма его “*Poemes saturniens*” через романтику, эстетизм, декаданс и гротекс к чистой и истинной мистике “*Sagesse*” и в конце концов приведший поэта капризной чувственности утонченного сладострастия и улицы к поэтическому, рыцарскому культу Мадонны и даже бросивший его в объятия католической церкви <...>»¹⁷.

Именно такой путь проходит лирический герой книги Эллиса «*Stigmata*», такой же путь пытался реализовать в своей жизни и сам Эллис¹⁸.

¹⁴ В том числе и текстуальные, например, у Брюсова: «В эту эпоху вся жизнь Верлена была уже позади. Ему было уже 40 лет. Далеко в прошлом были его дебюты в рядах парнасцев; <...>» (Верлен П. Записки ... С. V). У Эллиса: «Ему уже за 40 лет, все надежды его и все обиды уже далеко позади, в настоящем только голод, отверженность и мечты о выпивке» (НИОР РГБ.Ф. 784... Л. 1).

¹⁵ НИОР РГБ. Ф. 784... Л. 2.

¹⁶ НИОР РГБ. Ф. 784... Л. 2–3.

¹⁷ Эллис. Русские символисты. Томск, 1996. С. 282.

¹⁸ Об основных этапах творческого пути Эллиса и реализации в нем жизнетворческих установок русского символизма см.: Гречишкин С. С., Лавров А. В.

Рукопись печатается по оригиналу, хранящемуся в НИОР РГБ (Ф. 784 (Коллекция М.И. Чуванова). Карт. 23. Ед. хр. 23), в соответствии с современными нормами орфографии и пунктуации, с сохранением некоторых особенностей авторской манеры письма. Сокращения раскрываются в угловых скобках, подчеркнутые фрагменты текста выделены курсивом. Зачеркнутые слова и словосочетания не воспроизводятся, так как не являются содержательно значимыми.

«Вдовец»

(П. Верлэн как автор «Записок вдовца») ¹⁹

На днях вышла в свет небольшая книжка, на первый взгляд ничем особенным не поражающая, ничего не говорящая... На ее обложке изображен пошатывающийся пьянчуга, уже далеко не молодой, с неуклюже поднятой тростью, в широкополой шляпе, зябко надвинутой на глаза. Одна рука в кармане, другая судорожно сведена от стужи.

Кажется, что он идет к вам навстречу, чтобы попросить Христа ради... На задней стороне обложки вы видите качающуюся фигуру того же бедняка-пьянчуги, быстро удаляющуюся от вас... Порыв ветра заставил его схватиться за шляпу, трость качнулась и чуть не упала... Кажется, что вы прошли мимо него, и вот он теперь одиноко удаляется позади, неловко одолевая усталость, холод и опьянение. Но вы напрасно прошли мимо него столь безучастно! Этот прохожий, этот бедняк, отравленный вином, этот отверженник — *Поль Верлэн!*..

Очень может быть правы те, кто считает его бесповоротно погибшим для жизни и литературы, окончательно опустившимся и просрочившим безнадежно все сроки. Ему уже за 40 лет, все надежды его и все обиды уже далеко позади, в настоящем только голод, отверженность и мечты о выпивке, в будущем — ожидание, что и за ним «придут зимним утром люди в черных и белых одеждах, распевające ла-

Эллис — поэт-символист, теоретик и критик (1900–1910-е гг.) // XXV Герценовские чтения. Литературоведение. Краткое содержание докладов. Л., 1972. С. 59–62; Willich Heide. Lev L. Kobylinskij-Ellis: Vom Symbolismus zur ars sacra. Eine Studie über Leben und Werk. München: Verlag Otto Sagner, 1996 (Slavistische Beiträge. Bd. 341); Поляков Федор. Чародей, рыцарь, монах. Биографические маски Эллиса (Льва Кобылинского) // *Lebenskunst — Kunstleben. Жизнетворчество в русской культуре XVIII–XX вв.* / Hgs.von Schamma Schahabadat. München, 1998. С. 125–139; Юнгтрен М. Эллис и Доктор Кобилински — символист с двумя карьерами // Андрей Белый в изменяющемся мире: К 125-летию со дня рождения. Сб. статей. М., 2008. С. 67–80.

¹⁹ Название имело также подзаголовок «Поэт-отверженник», позднее зачеркнутый автором.

тинские стихи, исполненные ужаса и надежды»²⁰!.. Очень может быть и так..., а все-таки много, бесконечно много любопытного, неожиданного, гневного и умилительного, много забавного, нелепого и ужасного, даже кое-что высокое мог бы еще рассказать вам этот поэт-бродяга, встретившись с вами на улицах Парижа, в 1883 или 84 году, т. е. в то время, когда им были окончательно приготовлены к печати его удивительные «Записки вдовца». Вот об этой-то книге, являющейся как бы дневником великого поэта-символиста, на днях появившейся в хорошем русском переводе молодого поэта С. Рубановича, мы и хотели бы сказать несколько слов.

Следует здесь сказать прежде всего, что эта книга вовсе не книга, что угодно, но только не книга; быть может, исповедь, быть может, откровенная беседа с близким человеком, может быть, просто развязная болтовня с первым встречным на улице... иногда мучительная беседа с самим собой, какая возможна лишь в приступе жестокой бессонницы, подчас даже обращение к уже мертвым друзьям, к дорогим теням и незабвенным призракам... Одним словом, все, что угодно, но только не книга!.. Слишком жива, слишком трепетна и мучительна, слишком наивна и откровенна, слишком ярка, своеобразна и небрежна эта книга, чтобы быть книгой!.. Даже теперь через 27 лет после своего рождения и перенесения в другую обстановку, переведенная на другой язык, она поражает, удивляет, ужасает и восхищает больше всего и прежде всего своей совершенной откровенностью.

В последнем обстоятельстве и заключаются два ее главных достоинства: ее биографическая ценность и ее глубокий лиризм.

Верлэн более других поэтов был *поэтом на самом деле*, он созерцал мир, как поэт, не только в те часы, когда держал перо в руках или говорил публично, Верлэн жил, как поэт, и каждый шаг его жизни, каждый полет и каждое падение были поступками поэта, были одной великой поэмой! Даже для того, кто сомневается в праве поэта быть только поэтом, быть прежде поэтом, а потом человеком, гражданином, мужем, сыном или братом, даже и для того несомненно, что самая острая постановка этого вопроса, самый ценный материал для решения этой проклятой дилеммы наших дней — жизнь поэта-отверженника Поля Верлэна. Если личность и творчество Бодлэра неизмеримо ценнее само по себе личности Верлэна, увы, часто слишком слабой, то ненасытная жажда к мистификации и совершенная скрытность величайшего среди символистов затрудняет возможность полного проникновения во все тайны (великие и малые) биографии автора «Цветов зла». Напротив, можно ли себе вообра-

²⁰ Цитата из заметки «В деревне» (Верлэн П. Записки вдовца... С. 51).

зить какого-либо более непосредственного, более искреннего, более детски-наивного, чем П. Верлэн?..

Эта совершенная искренность Верлэна, всегдашняя обнаженность его жизни и эта непосредственность, доходящая до <нрзб.>, какого-то священного <нрзб.>, тесно были связаны с его изумительным даром лиризма. Среди поэтов-лириков, бывших всегда и всюду только поэтами-лириками, Верлэн, быть может, первый и единственный!..

И дар откровенности, и дар всецелого лиризма одинаково нашли свое проявление в «Записках вдовца». Это как бы лирическая автобиография поэта-импрессиониста... С этой стороны «Записки вдовца» Верлэна представляют прямую противоположность с знаменитым дневником Бодлэра, его предсмертной исповедью перед самим собой («Мое обнаженное сердце»²¹), эту молчаливую беседу поэта со своей собственной Совестью и Печалью... Напротив, «Записки» Верлэна — желание высказаться, излить душу, даже пошутить над собой, чтобы позабавить других, вообще желание задушевно поговорить и этим путем хоть на минуту забыть!.. Все очарование безыскусственной, увлекательной, капризно-прихотливой и, в конце концов, бесконечно грустной и детски милой беседы — все это очарование целиком свойственно «Запискам вдовца». Не будем спрашивать чисто внешне, о чем же здесь, собственно, говорится? Мы ведь знаем, что здесь идет речь обо всем вообще и ни о чем в частности!.. Одинаково <нрзб.> повествует бродяга-поэт и о своих странных и вещих ночных грезах, о своих «постоянных снах», в к<ото>рых все рисуется совершенно иным, и о сельских пейзажах, неизменно осенних, надрывающих большое сердце, и о ревности уличных собак, и о призраках бессонницы, о бешено скачущих похоронных дрогах, гремящих(?) погребальную песню самому поэту, его дочери, «которая чуть-чуть дурна собой, но так умирительно и... к счастью никогда не существовала вовсе»²², о Наполеоне I, о «современном Парнасе» и о многом, многом другом, в сущности же... всегда и везде только об одном... *о самом себе*, а тем самым о завтра и прошлом, о бесконечно-разнообразных желаниях и отражениях во всех единого поэтического

²¹ «Мое обнаженное сердце» («Mon Cœur mis nu», 1862–1864) — цикл дневниковых записей Ш. Бодлера. В 1907 г. был опубликован перевод Эллиса (Бодлер Шарль. Мое обнаженное сердце / Пер. и предисл. Эллиса. М.: Дилетант, 1907).

²² Не совсем точная цитата из миниатюры «Моя дочь»: «Она даже чуть-чуть дурна собой, но так умирительно! <...> К счастью, она никогда не существовала, и, вероятно, уже никогда не родится». (Верлэн П. Записки вдовца... С. 48–49).

«я» самого автора «Записок», самого бедного «вдовца». Вслушайтесь, как проникновенно и как безнадежно звучит его неизменно повторяемое слово «вдовец». Это имя, с к<ото>рым поэт в эпоху своего окончательного, бесповоротного падения любил обращаться к самому себе! В этом обращении скрывался намек на самую глубокую драму его жизни, нашедшую свое окончательное завершение в формальном разводе честно до гроба любимой жены поэта, к<ото>рую он сам оттолкнул и ожесточил, уступая губительному влиянию своего духа-демона, А. Рембо. В период заключения поэта в тюрьме, в Монсе²³, в самое позорное и печальное время его жизни, пришла к нему злая весть о том, что его жена формально разорвала с ним и разорвала навсегда. Эта капля переполнила чашу горя... и поэт навсегда стал называть себя тем полу-ироническим именем «вдовец» и при жизни любимой им жены. Но часто это название окрашивается и другими оттенками на страницах «Записок». Этим обращением поэт обозначает всю совокупность своих лишений, все ужасы обездоленности, вычеркнутости из среды живых и довольных. Слово «вдовец» часто звучит у Верлена почти так же, как «бывший человек»...

Для этой последней эпохи жизни Верлена, к<ото>рая может быть названа эпохой *окончательного падения*, «Записки вдовца» являются лучшим материалом, служа продолжением его записок о годах тюремного заключения («Mes prisons»²⁴), в той же мере необходимых для понимания предшествующей эпохи жизни поэта, той эпохи, когда во мраке тюрьмы к нему низошло последнее утешение и была дана последняя надежда и возможность возрождения. Эпоха «Mes prisons» была эпохой создания великой книги «Sagesse»²⁵, в к<ото>рой были заложены новые основы «современного символизма», одной из тех совершенно исключительных в наше время книг, где искусство, стремящееся к *совершенству*, стало искусством, тоскующим о *святом*, где песня самая трогательная стала детски-чистой молитвой, где среди самых мучительных порывов символической лирики <нрзб.> из собственной внутренней сущности «новой религией» уже определенно зазвучали ноты подлинно-религиозного просветления, справедливо позволившие сблизить «Sagesse» Верхарна²⁶ с религиозными гим-

²³ В Монсе Верлен провел полтора года (с октября 1873 по январь 1875 г.), отбывая тюремный срок за попытку застрелить своего друга, поэта Артюра Рембо (1854—1891).

²⁴ Книга воспоминаний П. Верлена «Мои тюрьмы» («Mes prisons», 1893).

²⁵ Книга стихов П. Верлена «Мудрость» («Sagesse», 1881).

²⁶ Описки Эллиса, вероятно, подразумевался Верлен.

нами средневековья и видеть в ней нечто родственное высочайшему искусству во все века, искусству примитивов. Эпоха «Sagesse» была эпохой последнего и самого высокого подъема творчества и личного, внутреннего пути Верлена и вместе с тем эпохой перелома во всем современном символическом движении. Если бы Верлен оказался столь же мудрым, столь же цельным и последовательным, как автор «A rebours»²⁷, мы уверены, спасение пришло бы и к нему... Поэт «Sagesse» имел все возможности и все права стать в первых рядах певцов, современного, глубокого религиозного возрождения человечества, стать великим *христианским поэтом*... и однако этому не суждено было осуществиться! Освобождение Верлена из уединения тюремной камеры, ставшей для него кельей, как это ни странно, губельно повлияло на его душу и тело. Страсть к абсенту, мелкий разврат, нищета, безбожность, полная развинченность творчества, сиротство и вдовство, целый ряд капризных и низких увлечений, всепоглощающая самоирония и своеобразное упрямство — такова была жизнь поэта-отверженца за последний период, названный нами эпохой окончательного падения, эпохой появления в свет «Записок вдовца». Тем более интересна эта интимная исповедь! Из нее узнаем мы, почему так мимолетно было его личное возрождение... Как в кинематографе, пронесится перед нами вся разорванная, загубленная, отверженная, безумная и жаждущая все же искупления и более всего успокоения жизнь поэта. Но и на самом дне этой чаши позора и отверженства неистребима детская, искренняя религиозность Верлена, пленительная кротость его падения. Если он и гибнет, то Рай тем не менее остается Раем и небо не перестает сиять!.. Читая «Записки» Верлена, чувствуется, что ему остается один выход — умереть по-христиански. Так он и сделал; для этого в нем нашлось достаточно силы, веры и кротости. Ничего не может быть трогательнее смерти Верлена. Он ничего не просил более у человечества, кроме чистой постели и скромной коморки, предоставляемой ему его Евгенией²⁸. В полном одиночестве, едва сдерживая крики боли и душившие его рыдания, не веря ни во что, кроме Креста и искупления, как больное дитя, закрыл в послед-

²⁷ Имеется в виду Ж. Гюисманс, автор романа «Наоборот» («A rebours», 1884). В книге «Русские символисты» Эллис определяет Гюисманса как представителя эстетического направления в символизме и расценивает его творчество, прежде всего «A rebours», как «попытку <...> переоценить всю библиотеку мгновенной литературы с точки зрения эстетического солипсизма» (Эллис. Русские символисты... С. 20).

²⁸ Евгения (Эжени) Кранц — несостоявшаяся танцовщица, спутница последних лет и дней Верлена. Ей посвящена его книга «Песни к ней» (1891).

ний раз свои глаза бедный «вдовец», ироническая, дьявольская гримаса сбежала с его безобразного лица, безумные глаза стали снова тихими и кроткими, и он передал свою душу Тому, кому были посвящены и при жизни все его самые прекрасные стихи. И за ним «пришли люди в черных и белых одеждах, распевая латинские стихи, исполненные ужаса и надежды!»²⁹

Эллис.ВСЕ

²⁹ См. примечание 20.